

Фавела или комунидади: выбор коллективной памяти

© Кузнецова В.А., 2025

Варвара Александровна Кузнецова, научный сотрудник, Институт Латинской Америки РАН.
115035, Москва, ул. Большая Ордынка, 21/16.
ORCID: 0000-0001-7875-1398 E-mail: variaroll@inbox.ru

Аннотация. В бразильском обществе активно присутствуют два концепта, несущие в себе память о прошлом и влияющие на настоящее: *фавела* и *комунидади*. Они воплощают тёмную и светлую сторону образа бразильских трущоб, сформировавшихся на обломках рабства и сохранивших в образе жизни своих обитателей его черты. Используя инструментарий *memory studies*, а именно теорию *коллективной памяти* немецкого культуролога Яна Ассмана и концепцию *мест памяти* французского историка Пьера Нора, фавела рассматривается как единица коллективной памяти, в которой «зашифровано» всё самое болезненное, с чем пришлось столкнуться бразильскому обществу: воспоминания о разгроме восстания в Канудосе в 1897 г., о Золотом законе 1888 г., о формировании в фавелах целой армии домработниц, для которых кухня в богатом квартале стала новой сензацией. Это также и голод, наркотрафик и криминальные войны, где фавела — образ вечной опасности, которая грозит цивилизованному «городу асфальта». Однако экономический рост первого десятилетия XXI века вызвал запрос на смену негативного нарратива. Приобщение жителей трущоб к современной культуре потребления виделось политиками как залог их успешной социальной интеграции. В публичном дискурсе на смену *фавеле* пришел концепт *комунидади*, призванный защитить уязвимые категории от вербальной стигматизации и подсветить всё яркое, экзотическое и самобытное, что произвела народная синкретическая культура, порождённая фавелой как формой бытия. В статье прослеживаются развитие конфликта нарративов вокруг феномена бразильских трущоб и его проявления на различных уровнях — от терминологии социальных опросов и академических исследований до дискуссий в блогах и традиционных медиа.

Ключевые слова: фавела, комунидади, коллективная память, культура потребления, социальная инклюзия, публичный дискурс

Для цитирования: Кузнецова В.А. (2025) Фавела или комунидади: выбор коллективной памяти. *Ибероамериканские тетради*. № 4. С. 117–134. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-4-117-134

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Favela ou comunidade: a escolha da memória coletiva

© Kuznetsova V.A., 2025

Varvara A. Kuznetsova, investigadora, Instituto de América Latina de ACR.
115035, Rússia, Moscovo, rua Bolshaya Ordynka, 21/61.
ORCID: 0000-0001-7875-1398 E-mail: variaroll@inbox.ru

Resumo. Na sociedade brasileira há dois conceitos que carregam ricas camadas de memória do passado comum e ao mesmo tempo influenciam o presente. A *favela* e a *comunidade* encarnam os lados sombrio e claro da imagem de bairros marginalizados que se formam sobre escombros do sistema escravista e preservam muitas marcas específicas no estilo de vida de seus habitantes. Utilizando as ferramentas de *memory studies*: em especial a ideia da *memória coletiva* do teórico da cultura alemão Jan Assmann e o conceito de *lugares de memória* do historiador francês Pierre Nora, a favela é examinada como uma unidade de memória coletiva em que está «codificado» tudo o sofrimento doloroso que a sociedade brasileira teve de enfrentar: são as memórias da derrota da Insurreição de Canudos de 1897, da Lei Áurea de 1888, da formação nas favelas de tudo um exército de empregadas domésticas, para as quais a cozinha no bairro rico se tornou uma nova *senzala*. São memórias da fome, do tráfico de drogas e das guerras criminosas onde a favela é uma imagem do perigo eterno que ameaça a «cidade do asfalto» civilizada. No entanto, o crescimento econômico da primeira década do século XXI gerou uma demanda por uma mudança da narrativa negativa. A integração dos moradores de favelas na cultura de consumo moderna foi vista por muitos políticos e intelectuais como uma garantia de sua inclusão social bem-sucedida. No discurso público, o conceito de *favela* foi substituído pelo conceito de *comunidade*, destinado a proteger as categorias vulneráveis da estigmatização verbal e destacar tudo o que há de vibrante, exótico e autêntico produzido pela cultura sincrética popular gerada no seio da favela como forma de ser. O artigo traça o desenvolvimento do conflito de narrativas em torno do fenômeno das favelas brasileiras e sua manifestação em vários níveis — desde a terminologia de pesquisas sociais e estudos acadêmicos até discussões em blogs e mídia tradicionais.

Palavras chave: favela, comunidade, memória coletiva, cultura de consumo, inclusão social, discurso público

Para citar: Kuznetsova V.A. (2025) Favela ou comunidade: a escolha da memória coletiva, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 4, pp. 117–134. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-4-117-134

Declaração de divulgação: A autora declara que não existe nenhum potencial conflito de interesses.

Favela or Comunidade: The Choice of Collective Memory

© Kuznetsova V.A., 2025

Varvara A. Kuznetsova, researcher, Institute for Latin America of RAS.
115035, Russia, Moscow, Bolshaya Ordynka street, 21/16.
ORCID: 0000-0001-7875-1398 E-mail: variaroll@inbox.ru

Abstract. Brazilian society actively engages with two concepts laden with memories of a shared past that shape its present: *favela* and *comunidade*. These two concepts embody the dark and light side of Brazilian slums, which were formed on the ruins of the slave system and have preserved many of its specific traits. Using *memory studies* tools, specifically, the theory of *collective memory* by the German cultural scientist Jan Assmann and the concept of *memory sites* by the French historian Pierre Nora, this article examines the favela as a unit of collective memory, where all the most painful experiences of Brazilian society are «encrypted»: the 1897 Canudos uprising defeat, the 1888 Golden Law and the creation of a domestic worker army in favelas, for whom a wealthy neighborhood's kitchen became a new senzala. These are memories of hunger, drug trafficking, and criminal wars. The Favelas symbolize an eternal threat to the civilized «city of asphalt». However, the economic successes of the early 21st century sparked a growing demand in society for a new narrative. Many politicians and intellectuals viewed integrating slum dwellers into consumer culture as a sufficient condition for social integration, which allowed them to «abolish» the favelas excluding them from the Brazilian Institute of official terminology. Public discourse replaced it with *comunidade*, a concept designed to protect vulnerable groups from verbal stigmatization and highlight the vibrant, exotic, and distinctive aspects of the folksy, syncretic culture that emerged from the favelas as a form of existence. This article explores the conflict between these narratives surrounding Brazilian slums and its impact on public discourse at various levels, from the terminology of social surveys and academic research to blog discussions and traditional media.

Key words: favela, comunidade, collective memory, consumer culture, social inclusion, public discourse

For citation: Kuznetsova V.A. (2025) Favela or Comunidade: The Choice of Collective Memory, *Iberoamerican Papers*, no. 4, pp. 117–134. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-4-117-134

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Для современной Бразилии фавела — один из самых популярных «экспортных штампов». Свидетельством этому выступает международный успех, неизбежно сопровождающий фильмы, снятые в знаменитых трущобах Рио-де-Жанейро. Ещё в 1959 году музыкальная драма «Чёрный Орфей» (Orfeu Negro), получившая «Оскар» и Золотую пальмовую ветвь в Каннах, показала миру живописный «холм Вавилония»¹, возвышающийся над престижным районом Леми. В 2002 году «Город Бога» (Cidade de Deus) потряс западную публику историей о неизменном круговороте насилия в одноимённой фавеле, заняв седьмое место в списке лучших неанглоязычных фильмов мирового кинематографа по версии британского журнала «Эмпайр»². Пять лет спустя признания добился криминальный боевик «Элитный отряд» (Tropa de elite), завоевавший «Золотого медведя» в Берлине.

Фавела притягивает любопытных, жадных до впечатлений «гринго», ассоциируясь с опасностью, насилием, соблазнительной экзотикой и живописной нищетой. Неслучайно в последние годы растёт популярность «трущобного туризма». «Сегодня в Рио-де-Жанейро посетить фавелу — всё равно что подняться на Корковаду»³, — говорят местные гиды⁴. В 2023 году, по данным мэрии города, посмотреть на «эстетику бедности» в фавеле Росинья захотели около 190 000 туристов⁵. Однако даже превратившись в успешный, подчас «гламурный» международный бренд, фавела не перестаёт быть трущобой — «субнормальным кластером, состоящим из не менее чем 51 единицы жилья, на которое не зарегистрировано право собственности» [Toledo, 2018: 3], и характеризующимся «отсутствием основных коммунальных услуг, таких как вывоз мусора, водоснабжение, электроснабжение и уличное освещение» [Кузнецова, 2023: 87]. По данным переписи населения 2022 года, 16,4 миллионов граждан страны проживают в трущобах⁶.

В то же время для Бразилии фавела являет собой нечто большее, чем участок на карте города с некими социоэкономическими характеристиками, способный приносить прибыль в туристической отрасли. Трансформируясь, по точному в своей зыбкости определению французского историка Пьера Нора (Pierre Nora, 1931–2025), в «значимое единство, материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени

¹ Одна из самых старых фавел города, существует с конца XIX в. — *Здесь и далее примеч. авт.*

² The 100 Best Films Of World Cinema. Empire. 23.09.2019. URL: <https://www.empireonline.com/movies/features/100-greatest-world-cinema-films/> (accessed 06.08.2025).

³ Гора на территории национального парка Тижука (Рио-де-Жанейро), на вершине которой расположена 38-метровая статуя Христа-Искупителя.

⁴ Gonçalves L. Favelas entram no roteiro de pontos turísticos do Rio. Voz das comunidades. 09.05.2024. URL: <https://vozdascidades.com.br/favelas/favelas-entram-no-roteiro-de-pontos-turisticos-do-rio/> (accessed 06.08.2025).

⁵ Silva R. Líder em turismo, Rocinha continua apagada do mapa turístico da prefeitura. Fala Roça. 13.05.2025. URL: <https://falaroca.com/lider-turismo-rocinha-continua-apagada-mapa-turistico/> (accessed 06.08.2025).

⁶ Freitas Moura B. Cerca de 16,4 millones de brasileños viven en favelas. 08.11.2024. URL: <https://agenciabrasil.ebc.com.br/es/geral/noticia/2024-11/cerca-de-164-millones-de-brasilenos-viven-en-favelas> (accessed 06.08.2025).

превратила в символический элемент наследия памяти некоторой общности» [Нора, 1999: 79], «больное место» бразильского социума становится *местом памяти*. Об этом свидетельствует тот извилистый путь, который прошла терминология Бразильского института географии и статистики (IBGE), осмысляющая это явление.

Появившись впервые в переписи населения 1950 г., фавела уже через двадцать лет трансформировалась в «экстраординарные городские агломерации» (*aglomerados urbanos excepcionais*), а затем в «субнормальные агломерации: фавелы и подобные» (*aglomerados subnormais: favelas e similares*)⁷. В 2007 году слово «фавела» исчезло из вокабуляра IBGE. Вместо него отовсюду — от представителей власти, НКО и НПО, прессы, академического сообщества, наконец, населения — зазвучал термин *комунитидади*, призванный защитить жителей трущоб от вербальной стигматизации. А ещё через 15 лет фавела победоносно вернулась в перепись населения 2022 г., и вновь «нарядом со словом изменилась точка зрения»⁸, сделав тем самым более выпуклыми происходящие в бразильском социуме глубинные процессы.

Характерно, что из всех терминологических экзерсисов IBGE наибольшую полемику в обществе вызвало слово *комунитидади*. Если экстраординарные или субнормальные агломерации ещё можно было списать на бюрократический новояз, то слово, означающее «община, сообщество», сигнализировало о намерении «сверху» избавиться от определённых слоёв коллективной памяти, подвергнув их терапевтическому забвению, целью которого является дистанцирование по отношению к истории во имя социального мира [Ассман, 2019: 38–58].

Задача данной статьи — рассмотреть фавелу как *место памяти*, проследив за трансформацией нарратива, возникающего вокруг этого явления. В фокусе исследования оказывается та часть коллективной памяти, которую немецкий историк Ян Ассман понимает как *культурную* в противоположность *коммуникативной*. Культурная память не рождается и умирает спонтанно, но создаётся сознательно, *культивируется*. В ней концентрируется прошлое, не вырастающее естественным путём, но являющееся «продуктом культурного творчества» [Ассман, 2004: 50]. И если коммуникативная память — это «дикорастущий сорт», практически «самосев», то культурная память «не распространяется сама собой, а требует специальной заботы и контроля» [Сафронова, 2019: 92]. Постепенно формируясь посредством

⁷ Nery C., Britto V. Favelas e Comunidades Urbanas: IBGE muda denominação dos aglomerados subnormais. Agência IBGE Notícias. 08.02.2024. URL: <https://agenciadenoticias.ibge.gov.br/agencia-noticias/2012-agencia-denoticias/noticias/38962-favelas-e-comunidades-urbanas-ibge-muda-denominacao-dos-aglomerados-subnormais> (accessed 06.08.2025).

⁸ IBGE volta a usar o termo favela nas pesquisas e no Censo. Jornal Nacional. 23.01.2024. URL: <https://g1.globo.com/jornal-nacional/noticia/2024/01/23/ibge-volta-a-usar-o-termo-favela-nas-pesquisas-e-no-censo.ghtml> (accessed 05.07.2025).

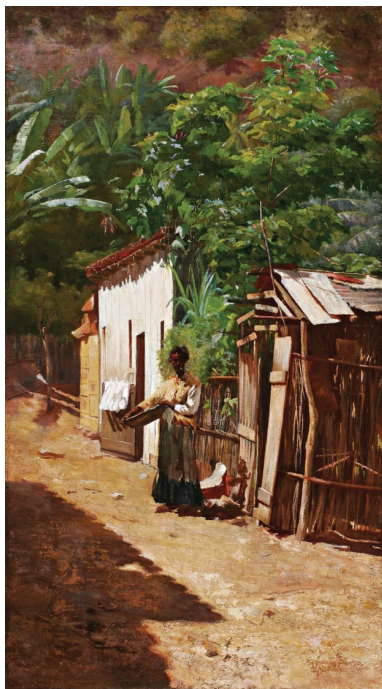

коммеморативных ритуалов, текстов, визуальных образов, праздничного календаря, памятников и топонимов, культурная память живёт столько, сколько о ней заботятся, и закрепляет версию прошлого, принятую тем сообществом, которое осуществляет эту заботу.

Социальные и технологические трансформации последних десятилетий запустили масштабную «демократизацию истории» [Сафронова, 2019: 92], о которой писал П. Нора. Как следствие, «государственная монополия» на доступ к историческому нарративу была нарушена. Право на собственную память и средства для конструирования собственного исторического нарратива получили различные этнические, расовые и социальные группы, ранее не имевшие доступа в клуб «победителей, которые пишут историю» [Шнирельман, 2016: 117]. В бразильском обществе эти процессы породили конфликт нарративов, отразившийся не только в многократной смене терминологии IBGE, но и на других уровнях публичного дискурса — от блогов до академических публикаций.

Тарсила ду Амарал. Холм фавелы

Элизеу Висконти. Улица фавелы

В бразильской науке сложилась богатая исследовательская традиция, рассматривающая феномен фавелы в парадигме социологии, антропологии, урбанистики и даже в рамках такой прикладной сферы, как маркетинг. Настоящая статья опирается, в первую очередь, на работы Лисии Валладарис [Valladares, 1991; Valladares, 2005] — социолога, заложившей основы теоретического осмысления бразильских трущоб. Источниковая база подчиняется природе материала: поскольку формы конструирования и фиксации нарратива коллективной памяти в сегодняшней действительности многочисленны и демократичны, его анализ требует обращения как к данным статистики или высказываниям политиков, так и к значительным явлениям культуры или комментариям публичных интеллектуалов.

В советской и российской латиноамериканистике проблематика бразильских фавел рассматривалась с различных позиций:

в контексте исследований бедности как социального феномена [Коваль, 2006], генезиса латиноамериканских трущоб, их влияния на городскую среду, а также «оценки существующих подходов к работе с этим вызовом нашего времени» [Краев, 2025: 106]. В фокусе внимания оказывались социокультурные аспекты повседневной жизни в фавелах [Осипова, 2019; Кузнецова, 2019], деятельность организаций гражданского общества [Кузнецова, 2023], развитие «трущобного туризма» [Малетин, 2015], однако инструмент *memory studies* для анализа данного явления в отечественной науке не применялся.

Генезис и трансформация фавелы

Наиболее глубокий пласт коллективной памяти заложен в истории самого слова «*фавела*», которое принесли в столицу с северо-востока страны отставные солдаты, вернувшиеся после подавления восстания в Канудосе, вдохновившего бразильца Эуклидеса да Кунья (Euclides da Cunha, 1866–1909) на его документальное повествование «Сертаны» («Os Sertões», 1902) и перуанца Марио Варгаса Льюсу (Mario Vargas Llosa, 1936–2025) на роман «Война конца света» («La guerra del fin del mundo», 1981). В местном названии дикой мандиоки — растения, способного цвести и давать семена в условиях засушливой каатинги⁹, — как будто заключалось предвидение той борьбы за выживание, которую в будущем придётся вести населению бразильских фавел. Оказавшиеся бездомными, солдаты обосновались на холме Провидения (*Morro de Providência*), который беспорядочно, подобно тому как фавела хаотично покрывала землю Канудоса, облепили живописные в своём убожестве домики. Холм Провидения стал называться холмом Фавелы. Вскоре там поселились также жители близлежащего куртису Кабеса-ду-Порку (*Cabeça-de-Porco*), ликвидированного в 1893 году.

Первая фавела Бразилии на холме Провидения

Куртисус — трущобы Рио-де-Жанейро, возникшие в самом центре города на рубеже XIX–XX вв. и описанные в одноимённом романе («O Cortiço», 1890) бразильского классика Алуизиу Азеvedу (Aluísio Azevedo, 1857–1913), — послужили своеобразной «демоверсией» фавелы. Заброшенные

⁹ Каатинга — один из уникальных биомов Бразилии, охватывающий часть северо-востока страны.

аристократические особняки в центре города были буквально превращены в сквоты, где нашли приют как бывшие рабы — бездомные, отпущенные в свободную жизнь без какого-либо имущества, так и оказавшиеся на дне европейские иммигранты, такие как герой «Куртисус» португалец Жерониму. В 1890 году 130 тысяч человек, то есть четверть населения города, были жителями куртисус [Valladares, 1991: 86], которые стали символом опасности, болезней, антисанитарии и нищеты. На волне модернизации города здания были уничтожены, что послужило толчком к формированию фавел.

После столицы «острова бедности» выросли в бурно развивавшихся промышленных центрах — Сан-Паулу и Белу-Оризонти, а затем распространились по всей Бразилии. В 1930-е гг. начала формироваться «классическая» фавела, просуществовавшая, согласно периодизации Л. Валладарис, практически до конца 1960-х гг. [Valladares, 1991: 83]. Уникальным документом, зафиксировавшим эту на сегодняшний день уже исчезнувшую реальность, является книга Каролины Марии ди Жезус (Carolina Maria de Jesus, 1914–1977) «Хламная комната: дневник из фавелы» (Quarto do despejo. Diário de uma favelada, 1960). Это единственный в своём роде пример успеха, в том числе коммерческого, литературы родом из социальных низов: работа была переиздана в Бразилии 10 раз, включая карманный формат, и переведена на 13 языков.

Автор — уже немолодая, многодетная негритянка — живёт в одной из фавел Сан-Паулу в поистине мультирасовой среде: рядом с ней испанка роется в отходах рефрижератора, португалка стоит в очереди за бесплатными костями, а чёрные и белые соседки с наслаждением рвут друг другу космы¹⁰. Присутствуют даже цыгане, однако они «хуже, чем негры»¹¹. Авторская манера К.М. ди Жезус — едкая и ироничная — не выдерживает критики с точки зрения современного расового и тем более гендерного нарратива: «В фавелах мужчины ведут себя более воспитанно и терпимо, чем женщины. Все беспорядки от них. Эти интриганки действуют на нервы похуже, чем Карлос Ласерда»¹².

*Каролина Мария ди Жезус
подписывает экземпляр книги
«Хламная комната: дневник
из фавелы»*

¹⁰ Jesus C.M. Quarto do despejo. Diário de uma favelada. Rio de Janeiro. Livraria Francisco Alves. 1960. P. 72.

¹¹ Ibid. P.151.

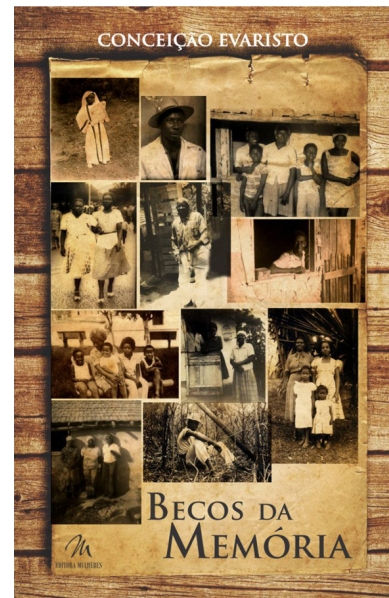
¹² Ibid. P. 21. Карлос Ласерда (Carlos Lacerda, 1914–1977) — бразильский журналист и политик, известный своими правоконсервативными, антикоммунистическими взглядами.

Если обратиться к другому литературному свидетельству о фавеле 1950-х гг. — автобиографическому тексту современной бразильской писательницы Консейсау Эваристу (Conceição Evaristo, род. 1946) «Переулки памяти» («Becos de memória»), расовый состав выглядит более гомогенным, практически чёрным. Одна из причин может заключаться в том, что в Белу-Оризонти, где происходит действие романа, не было такого количества иммигрантов, как в Сан-Паулу. Важно и то, что оптика этого текста, создававшегося на рубеже 1970–1980 гг. зрелым автором, обращена в прошлое — в детство. Это реконструкция воспоминаний, прошедших через фильтр времени и личного опыта. Повествование ведётся от лица девочки-подростка, которая видит мир несколько иначе, чем взрослая женщина, фиксирующая на страницах дневника каждодневную борьбу за право накормить своих детей. Девочка чувствует потребность наблюдать и запоминать всё, что происходит вокруг, превращаясь в подобие африканского гриота¹³, который несёт в себе коллективную память. Вокруг неё всё ещё живут старики, родившиеся до Золотого закона, своими глазами видевшие *сензалу* (*senzala*) — барак для рабов на фазендах и сахарных заводах. Для них она является не исторической абстракцией, а частью ещё живого индивидуального прошлого, которое они передают наблюдательной девочке.

Глазами своей героини К. Эваристу описывает образ жизни, который даже при очень большом желании забыть о *сензале* не позволял. Фавела её детства, как и большинство других бразильских трущоб того времени, находилась так же близко к богатому кварталу, как *сензала* к господскому дому. Женщины всё так же по утрам стирали бельё благородных сеньор или работали домашней прислугой в близлежащих особняках. Альтернативой в новой реальности для них была только панель или тяжёлый унижительный труд по сбору мусора, которым, по свидетельству К.М. ди Жезус, мужчины пренебрегали.

В «Переулках памяти» связь между *сензалой* и фавелой проступает через личные истории, через повседневность и, наконец, формулируется явно: «Она тогда начала учиться в школе. Она прочитала и поняла, что такое “господский дом”. И ей захотелось поговорить с учительницей. Привести ей

Обложка романа
«Переулки памяти» К. Эваристу

¹³ Сказитель у народов Западной Африки.

пример господского дома — соседний богатый квартал и пример *сензалы*, то есть фавелы, где она сама живёт»¹⁴. К.М. ди Жезус в своём «репортаже с места событий» также не обходит эту тему стороной. Утром 13 мая 1958 г. она пишет в своём дневнике: «На рассвете шёл дождь. Для меня это приятный день. День отмены рабства...»¹⁵. И после лаконичного описания рутины резюмирует: «Так в этот день 13 мая я боролась с современным рабством — голодом»¹⁶.

Наследие рабовладения оказало серьёзное воздействие также на «своеобразную» трудовую этику, которой руководствовались населявшие фавелу мужчины. Вчерашние рабы, которых «триста лет использовали как тягловый скот», воспринимали любой физический труд как «символ унижения и расчеловечивания». Прекариат и знаменитое *маландражейм* (*malandragem* — *жульничество*) были подчас осознанным выбором, способом «отстоять свое достоинство свободного человека» [Souza, 2017]. И даже желая легально встроиться в развивающуюся бразильскую экономику, жители фавел имели мало возможностей это сделать, так как не обладали никакой квалификацией, которая была бы востребована на официальном рынке труда. Своеобразный «кодекс чести» и сильные конкуренты в лице обученных и готовых работать европейских иммигрантов обрекли жителей фавелы на гордое, но жалкое существование: «День подходил к концу. Те, кто возвращался с работы, пытались забыть об усталости, глядя на тех, кто бездельничал. Кто мудрее? Жулик или труженик? Если не считать проблем с полицией, живут они практически одинаково. Терпят те же лишения. Одно, по крайней мере, ясно — от работы никто не богатеет. От мелкого жульничества — тоже»¹⁷.

Некое новое качество по сравнению с жителями *сензалы* у *фавеладус* всё же было: «господский дом» (то есть богатый квартал) считал возможным идти с ними на сделку. С рабами сделок не заключали. «Вы швыряете нам остатки своего богатства, даёте работу нашим жёнам и дочерям, но в первую очередь вы даёте нам воду, когда в фавеле перебои. Вы уважаете наш образ жизни, не лезете с планами «десфавеламенту» (*desfavelamento* — *снос фавелы*), а мы не нападаем на ваши дома»¹⁸, — так описала это молчаливое «добрососедское» соглашение К. Эваристу.

Крушением иллюзий стала джентрификация¹⁹, стартовавшая в конце 1950 – начале 1960-х гг.: отвоёвывая всё новые пространства на дорожающей в центре города земле, она вынуждала людей сниматься с насиженных мест,

¹⁴ Evaristo C. Becos de memória. Rio de Janeiro. Pallas Editora. 2017. P. 72.

¹⁵ Jesus C.M. Quarto do despejo... P. 32.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Evaristo C. Becos de memória... P. 72.

¹⁸ Ibid. P. 67.

¹⁹ Процесс обновления городских районов, считающихся неблагополучными и депрессивными.

перебираться на периферию, что автоматически лишало взрослых работы, а детей возможности ходить в школу. Уйти им или остаться — решали хозяева. Жители фавелы, как и прежде — обитатели *сензалы*, не решали ничего.

Классическая фавела из не лишённых ностальгических ноток романа К. Эваристу и горького дневника из городского подполья К.М. ди Жезус прекратила своё существование на волне масштабной государственной программы дефавелизации. В частности, в период губернаторства К. Ласерды в Рио-де-Жанейро были расселены 27 фавел общей численностью около 42 тысяч человек [Lacerda da Cunha, 2017: 137]. Это не означало улучшения условий проживания: вместо старой трущобы возникала новая — практически такая же, но, как правило, менее «живописная» и расположенная гораздо дальше от кварталов, где можно было найти работу. Так на карте Рио появился знаменитый «Город Бога» — место действия одноимённого фильма, а также романа («Cidade de Deus»), автор которого, бразильский писатель Паулу Линс (Paulo Lins, род. 1958), ввёл в оборот новый термин «неофавела». Это явление, родственное, но не идентичное фавеле, в периодизации Л. Валладарис обозначено как *периферия* [Valladares, 1991: 83].

В фавеле, романтизированной «Чёрным Орфеем» как место, где царит вечный карнавал и бушуют роковые страсти, разумеется, случались кровавые преступления, однако, если верить «Дневнику из фавелы», в основном уголовные нарушения сводились к краже соседской утки²⁰, да и полиция приезжала на вызов через пять минут²¹. В *неофавеле* государство представлено лишь силами подразделений спецназа, которые ведут борьбу с организованной преступностью, и населяют её уже не бедные, но честные труженики или обаятельные *маландрус* (*жулики*), известные по произведениям Жоржи Амаду (Jorge Amado, 1912–2001), а совсем иные герои. «На фоне роста наркотрафика в Рио-де-Жанейро появились лидеры преступных организаций, которые живут в фавелах, будучи людьми очень состоятельными. В интервью они артикулируют идеологию, крайне далёкую от той, которую воображает себе общество. Бандит был когда-то трудящимся и отвергает труд лишь потому, что ничего за него не получает <...> сопротивляясь труду, он в определённом смысле ассоциирует его с рабством, хотя, казалось, эту связь удалось преодолеть спустя сто лет после отмены...», — пишет об этих процессах Л. Валладарис [Valladares, 1991: 107–108]. Именно в период 1970–1980-х гг. фавела как словесная конвенция приобретает новый смысл — преступность, насилие, смерть.

²⁰ Jesus C.M. Quarto de despejo... P. 136.

²¹ Ibid. P. 95.

Потребление как форма социальной инклюзии

Если труд оказался неспособен встроить жителей фавел в современную капиталистическую Бразилию, потребление в определённый момент показало себя более успешной стратегией. Этому способствовал значительный рост уровня жизни в фавелах, связанный, в том числе, с такими программами, как Плану Реал²² (Plano Real) и Болса Фамилия (Bolsa Família)²³. И хотя принятые меры ограничились частичным перераспределением ресурсов в пользу наиболее бедных и уязвимых слоев населения, не затронув логику общественного воспроизводства, краткосрочные результаты оказались впечатляющими [Кузнецова, 2019: 147]. В период с 2003 по 2013 г. бразильский средний класс увеличился на 32%²⁴, и на этом фоне бедные слои населения, прежде «дисквалифицированные» как потребители, настолько активно включились в рынок, что стали «целевой аудиторией специалистов по маркетингу и рекламе» [Moura, 2015: 31]. На исходе 2013 г. 50% домохозяйств в фавелах были подключены к интернету, 85% жителей владели мобильным телефоном, а 22% — смартфоном [Meirelles, Athayde, 2014].

Эффект, произведённый на социум этими мерами инклюзии, оказался громким. Об этом свидетельствует, в частности, феномен «ролезинью» (от *rolé* — на сленге бразильских подростков «прогуливаться, фланировать»), в январе 2013 года скандализовавший общество и ставший темой для обсуждения в соцсетях, расколов публику на два лагеря. Речь шла о достаточно распространившемся среди подростков с периферии времяпрепровождении — приходить большой группой в ближайший торговый центр и проводить там время без определенной цели, но не совершая при этом хулиганских действий. Иногда они даже покупали какой-либо предмет — кепку или кроссовки известной

*Ролезинью в торговом центре «Леблон»
в Рио-де-Жанейро*

²² Программа по борьбе с инфляцией, реализованная во время президентства Фернандо Энрики Кардозу (Fernando Henrique Cardoso, 1995–2003).

²³ Социальная программа, запущенная в первый мандат Инасио Лулы да Силвы (Luiz Inácio Lula da Silva, 2003–2011, 2023 – н.вр.).

²⁴ Quaino L. Classe média na favela sobe de 33% para 65% em 10 anos, diz pesquisa. Globo.com. 04.11.2013. URL: <https://g1.globo.com/economia/noticia/2013/11/classe-media-na-favela-sobe-de-33-para-65-em-10-anos-diz-pesquisa.html> (accessed 05.06.2025).

марки. Но в первую очередь они приходили в торговый центр за социализацией [Кузнецова, 2016: 138]. Вслед за элитой и средним классом они тоже хотели попасть на «праздник потребления», но их там никто не ждал — ни администрация торговых центров, ни представители «старого среднего класса», испугавшиеся, что «сензала хочет пробраться в сад, где гуляют жители господского дома». Ждала их только полиция, как показала серия немотивированных арестов в торговом центре Гуарульюс в Сан-Паулу.

Об этом же стремлении приобщиться к культуре потребления «кричали» тексты песен жанра под названием «хвастливый фанк» (*funk de ostentação*), ставшего в 2010-х гг. основной «звуковой дорожкой» бразильских фавел. «Я мечтаю о красном мотоцикле Fireblade Repsol Cbr / круизере Vmax, о хате и гоночной тачке R8 Gt / или о Porche Carrera, мечтаю нацепить на запястье часы Zenith или Patek Philipp / золотую серьгу с бриллиантом и сапфиром / на шею цепь, чуваки смотрят и глазам своим не верят / что чёрный, у которого нет отца, если будет настойчив, может даже / прийти в магазин / увидеть “нулёвую” тачку и сказать “Я хочу, я покупаю, скидок не надо!”», — так звучит отрывок из песни «Я покупаю» («Eu Compro») одной из самых известных групп этого направления «Racionais MC's» [Кузнецова, 2019: 148]. Гиперболизированные фантазии на тему потребления несли в себе протестную составляющую, которая заключалась «в требовании маргинализированных слоев общества на равных пользоваться благами, к которым ранее имела доступ исключительно элита, стать легитимной частью существующей системы» [Кузнецова, 2019: 146].

И хотя социальная инклюзия посредством покупки преувеличенно дорогого автомобиля, пива «не за 1 реал, а за 1,50» [Migueles, 2007: 116] или DVD-проигрывателя при неоплаченных счетах за электричество [Migueles, 2007: 14] выглядела несколько странно, в среде левых интеллектуалов, получивших широкий доступ к формированию публичного дискурса, царило воодушевление. В 2014 году социолог и маркетолог Ренату Мейреллис, президент исследовательского института Data Popular, ранее входивший в комиссию по стратегическим вопросам при президенте республики, и его соавтор, общественный деятель и публицист Селсу Атаиди, выпустили книгу «Страна под названием фавела» — масштабное исследование различных сторон жизни современных бразильских трущоб [Кузнецова, 2017]. Среди прочих выводов в работе звучит мысль о том, что «потребление в фавеле означает, что её жители ничем не отличаются от всех остальных граждан» [Meirelles, Athayde, 2014]. Способность включиться в круговорот товаров и денег рассматривалась как символический «пропуск в средний класс» [Migueles, 2007: 114]. На фоне этого «головокружения от успехов» в обществе прозвучал запрос на «отмену» фавелы со всем её горьким и противоречивым шлейфом коллективной памяти — от восстания в Канудосе до голода и криминальных войн.

Фавеле как «фабрике маргиналов» [Birman, 2008] был противопоставлен термин *комундади*, также не появившийся из ниоткуда. Немаловажную роль в формировании этого концепта сыграла доктрина Теологии освобождения²⁵, проповедовавшая идеал организованной христианской общины бедняков, основанной на солидарности и взаимопомощи. Однако в первую

Вид современной фавелы

очередь его корни стоит искать в укладе «полусельской» жизни, который в той или иной мере присутствовал в фавеле до начала процесса джентрификации. Именно общину вспоминает К. Эваристу, блуждая по «Переулкам памяти»: праздники «июньских святых», импровизированные чемпионаты по футболу, «кружок» прачек у колонки, общие радости и потери. «Мужчинам, женщинам, детям, которые сгрудились внутри меня, подобно баракам моей фавелы»²⁶, посвятила она свой роман. В книге Р. Мейреллиса и С. Атаиди оптика *комундади* даже скученную и хаотичную трущобную застройку преобразовала в «архитектуру симбиоза и кооперации», в «здоровую анархию, требующую ответственности и здравого смысла» [Meirelles, Athayde, 2014].

Комундади — это афробразильская культура и школы самбы, живописные переулки и отзывчивые люди. Фавела — «филиал ада или даже сам ад»²⁷, где «бедные безжалостны к бедным»²⁸.

Фавела и *комундади* как словесные конвенции воплотили в себе тёмную и светлую стороны одного и того же явления, иллюстрируя две идеи практически мессианского характера, питаемые интеллигенцией по отношению к народу: «Фавела придёт и спасёт Бразилию, принеся долгожданную революцию <...> или фавела спустится на асфальт»²⁸, чтобы посеять ужас»²⁹.

Возвращение фавелы

Сомнения относительно того, возможно ли, стимулируя внутреннее потребление, превратить опасную *фавелу* в «уютную» *комундади*, высказывались ещё в годы относительно «тучных коров». По мнению профессора

²⁵ Радикальное направление католической теологии, зародившееся в странах Латинской Америки в 1970–1980-х гг.

²⁶ Evaristo C. Becos de memória... P. 185.

²⁷ Jesus C.M. Quarto do despejo... P. 158.

²⁸ Ibid. P. 81.

²⁹ Под «асфальтом» подразумевается цивилизованная часть города, где живёт средний класс и элита.

философии Университета Сан-Паулу Ренату Жанини Рибейру, короткое время в 2015 г. занимавшего пост министра образования Бразилии, основная проблема заключалась в том, что это был фактически единственный доступный способ социального включения [Кузнецова, 2016: 140]: «Увеличение покупательной способности неимущих классов — само по себе позитивный факт, но социальную пропасть оно не может уничтожить. Это была разовая инъекция денежных средств в экономику, но не более того...»³¹.

Дальнейшие события продемонстрировали слабость как экономической, так и дискурсивной стратегии предыдущих десятилетий. Главным ударом по бразильским трущобам оказалась пандемия COVID-19: 97% жителей так или иначе почувствовали на себе её разрушительные последствия³², а 71% семей потеряли половину дохода³³. На этом фоне борьба с вербальной стигматизацией отступила на второй план. Гармоничная *комунидади* вновь превращалась в *фавелу* из «Хламной комнаты» — «задний двор, куда сбрасывают мусор»³⁴.

Неизменным остался высокий уровень преступности: по данным на 2024 г. 23 млн человек проживали на территориях, находящихся под контролем тех или иных криминальных группировок³⁵. Таксисты отказываются пересекать границу трущоб, а GPS-навигатор по мере приближения к фавеле предупреждает: «вы въезжаете в зону риска»³⁶. Технологический прогресс также не облегчил жизнь — службы доставки не работают ни в фавеле, ни в комунидади, и «у них всегда одно и то же оправдание — адрес не идентифицирован»³⁷.

Мало в чём изменилась жизнь женщин фавелы: в основном они всё так же зарабатывают, обслуживая средний класс и элиту. С 1 июня 2015 их права защищает трудовое законодательство — так называемый «закон о домработницах» вывел их с теневого рынка труда³⁸. Эту меру приветствовали как

³⁰ Jesus C.M. Quarto do despejo... P. 81.

³¹ Ribeiro R.J. A inclusão social pelo consumo. Globo. 27.01.2014. URL: <http://www.valor.com.br/politica/3407594/inclusao-social-pelo-consumo> (accessed 05.06.2025).

³² Betim F. Sem ações específicas, 86% dos moradores de favelas vão passar fome por causa do coronavírus. El País. 28.03.2020. URL: <https://brasil.elpais.com/sociedade/2020-03-28/sem-aco-especificas-86-dos-moradores-de-favelas-vo-passar-fome-por-causa-do-coronavirus.html> (accessed 05.06.2025).

³³ Américo T. Na pandemia, 71% das famílias moradoras de favelas perderam metade da renda. CNN Brasil. 28.03.2021. URL: <https://www.cnnbrasil.com.br/economia/macroeconomia/na-pandemia-71-das-familias-moradoras-de-favelas-perderam-metade-da-renda/> (accessed 05.06.2025).

³⁴ Jesus C.M. Quarto do despejo... P. 136.

³⁵ Manfrin J. Crime organizado: 23 milhões de pessoas estão em áreas dominadas por 72 facções e milícias. Gazeta do Povo. 30.12.2024. URL: <https://www.gazetadopovo.com.br/republica/crime-organizado-23-milhoes-de-pessoas-estao-em-areas-dominadas-por-72-faccoes-e-milicias/> (accessed 05.06.2025).

³⁶ Regina C. Favela, comunidade carente formada por favelados. Agência de Notícias das Favelas. 29.10.2019. URL: <https://www.anf.org.br/favela-comunidade-carente-formada-por-favelados/> (accessed 05.06.2025).

³⁷ Ibidem.

³⁸ Lei complementar Nº 150, de 1º de junho de 2015. Presidência da República. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/lcp/lcp150.htm (accessed 20.06.2025).

акт уничтожения последней бразильской сензалы — кухни³⁹, однако во время пандемии COVID-19 некоторые «хозяева» порой не отпускали домработниц к их семьям, принуждая работать круглосуточно и без выходных [Кузнецова, 2023: 92].

«Фавела сказала — IBGE услышал»⁴⁰, — так прокомментировали на «ТВ-Глобу»⁴¹ новость об изменении терминологии⁴². В оценке этого события выказали удивительное для политически поляризованной Бразилии единодушие представители самых разных социальных страт. Представители «асфальта», давно объявившие *комунidades* «фарсом, изобретённым интеллектуалами из южных районов Рио»⁴³, по крайней мере в этом аспекте оказались солидарны с жителями фавел, которые задались вопросом, почему никто не называет *комунidades* такие районы, как престижный Леблон или Копакабану. «Это был взгляд снаружи. Взгляд тех, кто стыдился называть фавелой то, что по факту именно ею и является. Это фавела, и потому этот шаг так важен. Он демонстрирует признание этого места и этих людей»⁴⁴, — заявил Маркус Винисиус Атаиди, директор по инновациям института «КУФА» (CUFA — Central única das favelas). И хотя Бразилия славится своей культурой компромисса, невозможного без механизма забвения, реальность демонстрирует, что «вымарать» фавелу со всеми её многочисленными и противоречивыми смысловыми слоями из коллективной памяти невозможно, пока социальное неравенство продолжает раскалывать бразильское общество.

Список литературы / References

Ассман А. (2019) *Забвение истории — одержимость историей*, Москва, Новое литературное обозрение, 552 с.

Assman A. (2019) *Zabvenie istorii — oderzhimost' istoriei* [Forgetting History – Obsession With History], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 552 p. (In Russian)

Ассман Я. (2004) *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*, Москва, Языки славянской культуры, 368 с.

³⁹ Luciana Gimenez, a empregados na cozinha: 'Bagunça na senzala'. Veja. 22.05.2017. URL: <https://veja.abril.com.br/cultura/luciana-gimenez-chama-empregados-de-senzala-em-video/> (accessed 20.06.2025).

⁴⁰ IBGE volta a usar o termo favela... (accessed 05.07.2025).

⁴¹ TV-Globo — самая крупная португальскоязычная телекоммуникационная компания в мире. Главный телеканал Бразилии.

⁴² Бразильский институт географии и статистики (IBGE) вернулся к использованию термина «фавела» в опросах и переписи населения. Ранее институт использовал термин «субнормальные кластеры» («aglomerados subnormais»).

⁴³ A gente vai resolver a favela chamando de comunidade? Isso é uma farsa. Grupo Jovem Pan. 10.01.2018. URL: <https://jovempan.com.br/arquivo/marco-antonio-villa/a-gente-vai-resolver-a-favela-chamando-de-comunidade-isso-e-uma-farsa.html> (accessed 05.06.2025).

⁴⁴ IBGE volta a usar o termo favela... (accessed 05.07.2025).

Assman Ya. (2004) *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory: Writing, memory of the past, and political identity in the high cultures of antiquity], Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 368 p. (In Russian)

Коваль Б.И. (ред.) (2006) Латинская Америка XX века: социальная антропология бедности, Москва, ИЛА РАН, 287 с.

Koval B.I. (ed.) (2006) *Latinskaya Amerika XX veka: sotsialnaya antropologiya bednosti* [Latin America of the 20th Century: the social anthropology of poverty], Moscow, ILA RAN, 287 p. (In Russian)

Краев О.Л. (2025) Трущобы в структуре городов Южной Америки: социальный аспект, *Ибероамериканские тетради*, № 1, с. 103–124. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-103-124.

Kraev O.L. (2025) *Trushchobi v strukture gorodov Yuzhnoi Ameriki: sotsialnii aspekt* [Informal Settlements in South American Cities: The Social Dimension], *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 103–124. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1-103-124. (In Russian)

Кузнецова А.Д. (2017) 2017.02.031. Мейреллес Р., Атаиди С. Страна под названием фавела: самое полное исследование о бразильской фавеле, *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История*, № 2, с. 156–161.

Kuznetsova A.D. (2017) Meirelles R., Athayde C. Strana pod nazvaniem favela: самое полне issledovanie o brazil'skoi favele [Merelles R., Athayde C. A country called favela: the most complete study on the Brazilian favela], *Sotsial'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 5: Istoriya*, no. 2, pp. 156–161 (In Russian)

Кузнецова В.А. (2016) Бразильское общество перед угрозой дезинтеграции, *Интеграционные и дезинтеграционные процессы в мировой экономике и политике (Мировое развитие. Выпуск 16)*, под ред. Ю.Д. Квашнина, Н.В. Тогановой, Москва, ИМЭМО РАН, 187 с.

Kuznetsova V.A. (2016) Brazil'skoe obshchestvo pered ugrozoi dezintegratsii, in Yu.D. Kvashnin, N.V. Toganova (eds.) *Integratsionnye i dezintegratsionnye protsessy v mirovoi ekonomike i politike (Mirovye razvitie. Vypusk 16)*, Moscow, IMEMO RAN, 187 p.

Кузнецова В.А. (2019) Эволюция концепта социального протеста в текстах песен бразильской музыкальной субкультуры, *Древняя и Новая Романья*, № 24, с. 146–155.

Kuznetsova V.A. (2019) Evolyutsiya kontsepta sotsialnogo protesta v tekstakh pesen brazil'skoi muzikalnoi subkulturi [The evolution of the concept of social protest in the songs of the Brazilian musical subculture], *Drevnyaya i novaya Romaniya*, no. 24, pp. 146–155 (In Russian)

Кузнецова В.А. (2023) Деятельность организаций гражданского общества Бразилии в социальной сфере, *Латинская Америка*, № 9, с. 83–97.

Kuznetsova V.A. (2023) Deyatelnost organizatsii grazhdanskogo obshchestva Brazili v sotsialnoi sfere [Activities of Brazilian civil society organizations in the social sphere], *Latinskaya Amerika*, no. 9. pp. 83–97 (In Russian)

Малетин С.С. (2015) Трущобы как туристская дестинация, *Вестник Кемеровского государственного университета*, т. 7, № 2 (62), с. 42–46.

Maletin S.S. (2015) *Trushchobi kak turistskaya destinatsiya* [Slums as a tourist destination], *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 7., no. 2 (62), pp. 42–46 (In Russian)

Нора П. (1999) Как писать историю Франции?, *Франция-Память*, П. Нора и др., Санкт-Петербург, Издательство С.-Петербургского университета, с. 66–94.

Nora P. (1999) *Kak pisat' istoriyu Frantsii?* [How to write the history of France?], in P. Nora et al. *Frantsiya-Pamyat* [France — Memory], Saint Petersburg, Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta, pp. 66–94. (In Russian)

Осипова М.С. (2019) Фанк кариока как инструмент сопротивления и конструирования идентичности молодежи бразильских фавел, *Гуманитарный акцент*, № 1, с. 32–37.

Osipova M.S. (2019) *Fank karioka kak instrument soprotivleniya i konstruirovaniya identichnosti molodezhi brazilskikh favel* [Funk Carioca as a tool of resistance and identity construction for Brazilian favel youth], *Gumanitarnii aktsent*, no. 1, pp. 32–37. (In Russian)

Сафронова Ю. (2019) *Историческая память: введение*, Санкт-Петербург, Учебники Европейского университета, 220 с.

Safronova Yu. (2019) *Istoricheskaya pamyat: vvedenie* [Historical memory: an introduction], St. Petersburg, Uchebniki Yevropeiskogo universiteta, 220 p. (In Russian)

Шнирельман В.А. (2016) Социальная память и образы прошлого, *Новое прошлое*, № 1, с. 100–129.

Shnirelman V.A. (2016) *Sotsialnaya pamyat i obrazi proshlogo* [Social Memory and Images of the Past], *The New Past*, no. 1, pp. 100–129 (In Russian)

Birman P. (2008) *Favela é comunidade?* [Favela is a community?], *Wikifavelas*, URL: [https://wikifavelas.com.br/index.php/Favela_%C3%A9_comunidade%3F_\(artigo\)](https://wikifavelas.com.br/index.php/Favela_%C3%A9_comunidade%3F_(artigo)) (accessed 05.06.2025) (In Portuguese)

Lacerda da Cunha T.G. (2017) *Remoção de favelas durante o governo Carlos Lacerda (1960–1965): propriedade para os pobres ou favorecimento aos ricos?* [Removal of favelas during the Carlos Lacerda government (1960–1965): property for the poor or favoring the rich?], *Revista Convergência Crítica*, no. 12, pp. 130–147. (In Portuguese)

Meirelles R., Athayde C. (2014) *Um país chamado favela* [A country called favela], São Paulo, Gente editora, 168 p. (In Portuguese)

Miguelles C. (2007) *Antropologia do consumo: casos brasileiros* [Anthropology of consumption: Brazilian cases], Rio de Janeiro, FGV Editora, 222 p. (In Portuguese)

Moura I.G. (2015) *Mulheres com classe: mídia e classe social num Brasil em ascensão* [Women as a class: media and social class in a rising Brazil], Dissertação de Mestre, Niterói, 150 p. (In Portuguese)

Souza J. (2017) *A elite do atraso: da escravidão à Lava Jato* [The elite of backwardness: from slavery to Car Wash], Rio de Janeiro, Leya, 242 p. (accessed 05.06.2025). (In Portuguese)

Toledo B.B. (2018) *A formação das favelas na cidade do Rio de Janeiro: uma análise baseada na segregação populacional e exclusão social* [The formation of favelas in the city of Rio de Janeiro: an analysis based on population segregation and social exclusion], vol. 1, no. 1, 19 p. (In Portuguese)

Valladares L. (1991) *Cem anos pensando a pobreza (urbana) no Brasil* [One hundred years of thinking about (urban) poverty in Brazil], in R.R. Boschi (ed.) *Em Corporativismo e desigualdade: a construção do espaço público no Brasil* [Corporatism and inequality: the construction of public space in Brazil], Rio de Janeiro, Rio Fundo, IUPERJ, pp. 81–112. (In Portuguese)

Valladares L. (2005) *A invenção da favela: do mito de origem a favela.com*, Rio de Janeiro, FGV, 204 p. (In Portuguese)